

Чем больше Минда говорила, тем сильнее чувствовала обиду, едва сдерживая рыдания. Разве легко ей было ждать столько лет? Наконец они оба выросли, и она могла попросить отца о свадьбе, но тут кто-то опередил её. И этим «кем-то» оказался не кто иной, как главарь разбойников. Это было настолько неожиданно, что она просто не знала, как реагировать.

Тан Чжао не видела, как Минда едва сдерживает слёзы, но, почувствовав её настроение, догадалась о её переживаниях. Смешанные чувства охватили её, и она поспешила объяснить:

— Минда, не слушай их болтовню и не накручивай себя. У меня с Цзиньяо ничего нет.

Минда наконец подняла голову и с возмущением выпалила:

— Ничего? А почему ты так ласково называешь её Цзиньяо? И я слышала, что этот дом принадлежит Лянь Цзиньяо, а ты живёшь здесь. Разве это подобает? Неужели ты не понимаешь, как это выглядит?

Тан Чжао не только услышала обиду в голосе Минда, но и почувствовала, как в воздухе витает ревность. Она с трудом сдерживала смех, боясь ещё больше разозлить Минда:

— Глупости! Мы не живём в одной комнате. К тому же теперь ты тоже здесь живёшь, так что всё в порядке.

Дом был просторным, но Лянь Цзиньяо не собиралась делиться своей территорией с Тан Чжао. Она лишь выделила ей комнату и кровать, как и было договорено. Когда Минда приехала, она тоже поселилась здесь. Так что, строго говоря, Тан Чжао не была близка с Лянь Цзиньяо, зато жила в одной комнате с Минда.

Минда почувствовала себя немного лучше, но всё же обвила шею Тан Чжао и предупредила:

— Ты не должна слишком сближаться с ней!

Тан Чжао, видя её ревнивый нрав, поспешила согласиться, боясь, что Минда может устроить сцену.

Метка, которую Минда оставила на губах Тан Чжао, была заметной и вызывающей. Каждый раз, когда они встречались, это сразу бросалось в глаза. Кроме того, во время еды рана немного болела, напоминая о случившемся.

С момента их встречи Лянь Цзиньяо несколько раз бросала взгляд на губы Тан Чжао. Наконец, Тан Чжао не выдержала и спросила:

— На что ты смотришь?

До этого они обсуждали серьёзные дела, но теперь Лянь Цзиньяо не удержалась и рассмеялась, указав на рану:

— Что это с вами случилось?

Затем она подмигнула:

— Так страстно?

Тан Чжао покраснела и поспешила оправдаться:

— Не выдумывай, я сама случайно прикусила губу.

Лянь Цзиньяо не поверила:

— В таком месте? Попробуй сама случайно прикусить.

Тан Чжао не нашлась, что ответить, впервые покраснев перед Лянь Цзиньяо и почувствовав неловкость.

Лянь Цзиньяо, увидев её реакцию, рассмеялась ещё громче:

— Кто-то говорил, что относится к ней как к сестре. И вот как ты обращаешься с сестрой?

Затем она резюмировала:

— Упрямство до последнего.

Тан Чжао не могла объяснить, что её поцеловала ревнивая Минда, поэтому молча приняла упрёк. К тому же слова Лянь Цзиньяо задели её — она не могла с чистой совестью утверждать, что относится к Минда лишь как к сестре, даже в прошлой жизни.

Смущённая Тан Чжао поспешила сменить тему:

— Ладно, хватит об этом. Ты говорила, что с Крепостью семьи Ма что-то не так?

Крепость семьи Ма и Крепость Бычьей Головы были двумя кланами, уцелевшими рядом с Крепостью клана Лянь. После уничтожения Крепости Чёрного Ветра они сразу же прислали предложение о мире. В то время Крепость клана Лянь тоже понесла потери из-за серии нападений, поэтому согласились на перемирие, чтобы восстановить силы. С тех пор прошло не так много времени, но теперь Лянь Цзиньяо снова упомянула Крепость семьи Ма.

Переключившись на серьёзный разговор, Лянь Цзиньяо сказала:

— Ты просила следить за соседними кланами. После долгого наблюдения я заметила, что Крепость семьи Ма ведёт себя странно.

Тан Чжао насторожилась:

— В чём именно странность?

Лянь Цзинъяо объяснила:

— Ты знаешь, мы живём в горах и редко выезжаем в город, кроме как за покупками. Это далеко, да и нам лучше не показываться на глаза властям. Крепость семьи Ма ведёт себя ещё хуже — они не оставляют свидетелей после нападений, и их уже разыскивают. Но недавно я заметила, что они часто отправляют людей в город. Мои люди последовали за ними и сообщили, что те, похоже, не за покупками, а за разведкой.

Кому могло понадобиться отправлять разведчиков в город именно сейчас? Тан Чжао и Лянь Цзинъяо сразу же связали это с недавним нападением на кортеж принцессы, и их охватила тревога.

Тан Чжао задумалась:

— Цзинъяо, как обстоят дела с восстановлением сил у наших людей?

Лянь Цзинъяо, ожидая этого вопроса, ответила:

— Неплохо. Лёгкие ранения уже зажили, тяжёлые пока требуют времени. С Крепостью семьи Ма мы справимся, но я беспокоюсь, что в их клане могут быть другие силы.

О чём шла речь, обе понимали.

Тан Чжао, обдумав ситуацию, сказала:

— Дай мне время подумать. Когда у нас будет надёжный план, мы начнём действовать.

Лянь Цзинъяо немного расслабилась, успокоившись — она не хотела ввязываться в это дело, ведь принцесса, как бы важна она ни была, оставалась представителем власти, а Лянь Цзинъяо была всего лишь разбойницей. Но если бы кто-то попытался свалить вину на Крепость клана Лянь, они бы не смогли справиться с этим.

Обсудив всё, они разошлись. На выходе они встретили Минда, которая с подозрением смотрела на них. Её настороженный взгляд заставил Лянь Цзинъяо усмехнуться, и она собиралась что-то объяснить.

Но прежде чем она успела заговорить, Минда подошла к Тан Чжао и громко поцеловала её.

Из-за внезапного проявления ревности со стороны Минда, Тан Чжао несколько дней чувствовала себя неловко, не зная, как вести себя с Лянь Цзинъяо. Её слова, сказанные в прошлом, теперь обернулись против неё, и это было крайне неудобно.

Однако, несмотря на неловкость, важные дела нельзя было откладывать.

Тан Чжао, несмотря на смущение, не забыла о Крепости семьи Ма. Она подробно изучила ситуацию и за несколько дней разработала план атаки, после чего снова встретилась с Лянь Цзиньяо.

Но атака на Крепость семьи Ма уже не была делом только Тан Чжао и Лянь Цзиньяо. Они обсудили план, а затем собрали всех глав клана Лянь для совещания в большом зале.

Был уже ранний зимний вечер, и в просторном зале становилось всё холоднее. Лянь Цзиньяо приказала повесить тяжёлые занавески у входа и разжечь большой костёр в центре зала, чтобы всем было тепло.

Тепло было приятно, но от него начинало клонить в сон.

Тан Чжао бросила в костёр кусок апельсиновой корки, и вскоре аромат распространился по залу. Кому-то он нравился, кому-то нет, но все взбодрились.

Первый заговорил третий глава, потирая нос и обращаясь к Лянь Цзиньяо:

— Главарь, зачем ты собрала нас сегодня?

<http://bllate.org/book/15453/1371004>